

Ишкильдина Линара Камиловна

КОНЦЕПТ "Б?ХЕТ?Е? ?АТЫН-?Ы? Я?МЫШЫ" ("НЕСЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ СУДЬБА") В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ БАШКИР

Статья раскрывает содержание одного из центральных концептов культурного пространства башкирской языковой картины мира - концепта "б?хет?е? ?атын-?ы? я?мышы" ("несчастливая женская судьба") на материале народных песен. Концепт "несчастливая женская судьба" исследуется в тесной связи с концептами "любовь", "душа", "родина". Анализ материала показал национально-специфические особенности данного концепта в мировоззрении башкирского этноса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 130-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
13. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века: сборник статей / сост. и перев. С. Л. Фокина. СПб.: Мифрил, 1994. 348 с.
14. Философская энциклопедия: в 5-ти т. / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960-1970.
15. Фомичева Ж. Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1992. 170 с.
16. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука, 2014. 288 с.
17. Шлегель Ф. Из «Критических (ликейских) фрагментов» [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/schlekr.pdf> (дата обращения: 11.10.2015).

**IRONY AS A MULTI-ASPECT PHENOMENON:
THE METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF LITERARY DISCOURSE ANALYSIS**

Zinchenko Nataliya Sergeevna

*Taras Shevchenko Transnistria State University
zinchenko12@gmail.com*

The paper makes an attempt to reveal separate perspective interpretations of the phenomenon of irony in philosophy, psychology and linguistics. By means of comparative analysis of dictionary definitions, philosophical and scientific works, articles, dissertation researches the author aims at revealing general rational features, which may underlie the creation of the model of interpretation of an ironic literary discourse that corresponds to a contemporary scientific paradigm.

Key words and phrases: irony; literary text; philosophy; psychology; linguistics; inter-discourse; intra-discourse.

УДК 811.512.141

Статья раскрывает содержание одного из центральных концептов культурного пространства башкирской языковой картины мира – концепта “бәхетһез катын-кыз язмышы” («несчастливая женская судьба») на материале народных песен. Концепт «несчастливая женская судьба» исследуется в тесной связи с концептами «любовь», «душа», «родина». Анализ материала показал национально-специфические особенности данного концепта в мировоззрении башкирского этноса.

Ключевые слова и фразы: концепт; башкирские народные песни; женская судьба; любовь; душа; родина.

Ишкильдина Линара Камиловна, к. филол. н.

*Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
lina86_08@mail.ru*

КОНЦЕПТ “БӘХЕТҺЕЗ КАТЫН-КЫЗ ЯЗМЫШЫ” («НЕСЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ СУДЬБА») В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ БАШКИР

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, исследовательский проект № 15-34-01021
«Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении».*

В культуре народа песни зарождаются под действием глубоких эмоциональных переживаний. В любой культуре не принято говорить о счастье, тем более распевать о нем в песнях. Отчасти поэтому в песенном фольклоре каждого народа есть тексты с отрицательными мотивами.

Понятие «женское счастье», можно сказать, универсальное в мировом сознании и содержит в себе такие аспекты, как счастливая и вечная любовь, счастье материнства, крепкая и дружная семья и т.д. Напротив, концепт «несчастливая женская судьба» имеет свои лингвокультурологические и специфические особенности в каждом языке. Ведь еще Л. Н. Толстой выразился, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастна по-своему» («Анна Каренина») [7, с. 3]. Так и мы считаем, что содержание понятия «несчастливая женщина» (как и «несчастливая семья») имеет свою исключительность в сознании каждого народа и языковой картине мира любого этноса.

Выбор народного песенного фольклора для раскрытия данной темы продиктован тем, что «культурные концепты башкирских песен оказывают влияние на формирование башкирской ментальности, так как являются носителями национально-культурной информации народа» [6, с. 44]. Для исследования был привлечен раздел «Песни о женской судьбе» в книгах «Башкирское народное творчество. 1 том. Песни» 1954 и 1974 гг. [2; 3]. Важно заметить, что башкирские народные песни освещают патриархальный период истории жизни башкир, тем самым наше исследование раскрывает содержание концепта «несчастливая женская судьба» песенного фольклора в лингвокультурологической картине мира башкир досоветского времени.

В данной статье предпринята попытка анализа языковых единиц для представления понятия концепта «несчастливая женская судьба» в башкирских народных лирических песнях. Исследование данного концепта станет важным звеном в мозаике концептосфер, складываемых вокруг основной системы, называемой «языковая картина мира башкирского народа».

Культурные концепты, связанные с духовным и эмоциональным миром человека, занимают центральное место в языковой картине мира любого народа. Мы понимаем концепт как ментальное образование, содержащее в себе этнокультурную специфику. (Мы намеренно не стали останавливаться на теоретическом материале, который широко представлен в трудах отечественных ученых А. П. Бабушкина, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, В. В. Колесова, В. А. Масловой и т.д., а также в работах башкироведов Г. Х. Бухаровой, Л. Х. Самситовой, З. М. Раимгужиной, Р. Н. Хадыевой, Ф. Г. Хисамитдиновой и т.д. Есть специальная диссертационная работа А. Г. Сагитовой, посвященная концепту *язмыш* («судьба») в башкирской языковой картине мира [5]).

Изучение языковой картины мира позволяет выделить закономерности, характерные для строя определенного языка и национально-культурного сознания носителей, а также выявляет вклад языка в выработку и создание принципов восприятия и членения мира, влияние на способы получения знания в процессах категоризации и концептуализации [4, с. 8].

В песенном фольклоре башкирского народа теме «женская судьба» отводится отдельное место. Наряду с песнями о любви и шутивными песнями, песни о женской судьбе образуют одну большую группу, называемую любовными песнями [3, б. 33]. Раздел песен «катын-кыз язмышы тураһында» – это песни о несчастных женских судьбах. Нелегкая «женская доля» ассоциируется у женщин-башкирок с несчастной любовью. Концепт «**катын-кыз язмышы**» тесно переплетается с концептами **любовь** («мөхәббәт»), **горе** («кайғы»), **родина** («тыуған ил») и др.

Любовные песни широко распространены среди всех народов. Для них свойственно возвеличивание любви, описание отношений между парнем и девушкой. Башкирские любовные песни не являются исключением. Для башкирских народных песен о любви характерно нареkanie именами любимых девушек: «Ғилмияза», «Сәлимәкәй», «Зөлхизә», «Мәзинәкәй», «Шәүрә килән» и т.д. Есть также песни о женской доле башкирок, которые сочинены самими женщинами.

Понятие «**катын-кыз язмышы**» состоит из двух самостоятельных лексем – *катын-кыз* ‘женщины’ и *язмыш* ‘судьба, участь, удел, доля, предопределение; рок’. В «Толковом словаре башкирского языка» (1993) [1, т. 1, с. 657] дается следующее определение лексемы *катын-кыз*: Ирзәргә капма-каршы заттағы кешеләр; катындар һәм кыздар / (Лица, противоположные мужчинам; женщины и девушки). Лексема *катын-кыз* является собирательным словом, которая состоит из двух самостоятельных смыслообразующих частей, *катын* ‘женщина’ + *кыз* ‘девочка, девушка’.

Концепт «судьба» в башкирском языке имеет большой синонимический ряд лексем – *язмыш*, *өлөш*, *тәкдир*, *күрәсәк*, *насип* и др. В исследованных нами песенных текстах встретилось употребление только одного исконно башкирского слова – *язмыш*. В «Толковом словаре башкирского языка» (1993) слово *язмыш* имеет два значения: 1. Юғары көс тарафынан алдан ук билдәләнгән күрәсәк; тәкдир / (будущее, предопределенное высшими силами; рок); 2. Кешенең йәки нимәнендәр йәшәү рәүешен, үсәү тарихын, булмышын күрһәткән хәл / (состояние, показывающее образ жизни, историю развития, природу человека или чего-нибудь) [Там же, т. 2, с. 776]. Номинатив *язмыш* состоит из корня *яз-* ‘писать’ и окончания *-мыш* ‘окончание, образующее существительное’ и содержит в себе понятие судьбы как данность, как то, что написано на роду, предписано. Семантика лексемы *язмыш* говорит о том, что башкиры верят в предопределенность судьбы. Как говорят в народе – *Язмыштан узмыш юк* / (от судьбы не уйдешь) (Пословица).

Для молодых женщин-башкирок на первом месте стоит **любовь**, а отсутствие возможности быть вместе с любимым человеком сродни смерти: *Мендәркәйән косаклап, бер кыз илай, Зөлхизә, һөйгән егеткәйем дә юк-юк тип, Зөлхизә* (“Зөлхизә”) [3, б. 174] / плачет в подушку девушка Зүльхиза, что нет любимого парня у нее. Они (женщины) поют, как у них болит сердце, а душа полна горя: *төтөнһөз үк яна йөрәк, күңелем тулы кайғы, уй менән* (“Таштуғай”) [Там же, б. 272] / без дыма пылает сердце (мое), душа (моя) полна горем и раздумиями; *канлы йәштәр түгеп бер кыз илай* (“Зөлхизә”) [Там же, б. 273] / кровавыми слезами плачет одна девушка.

Понятие «любовь» в башкирском языке передается лексемами *яратыу*, *һөйөү*, *мөхәббәт*, *гишык*. В песнях про женскую судьбу активно употребляются лексемы *һөйөү* и *гишык*. Так как в песнях повествуется о несчастных судьбах женщин, то и любовь сопровождается отрицательными эмоциями (ненависть, обида, сожаление). Примеры: *ят һөйөү* (“Шәүрә килән”) [Там же, б. 276] / чужая любовь; *кыз һөйгәнкәйенә барһа икән, егет һөйгән кызын алһа икән* (“Мәхипгямал – Йәнтүрә”) [Там же, б. 277] / если б девушка выходила за любимого, а парень брал бы (в жены) любимую девушку; *йән һөймәгән бәндә – йөзә кара* [Там же, б. 279] / нелюбимый человек – чернолицый; *шатлык менән гүмер үтһә икән, йәнәң һөйгән йәрәң куйынында* (“Мәзинәкәй”) [Там же] / если б жизнь проходила в радости, в объятиях любимого (любимой); *һөймәйһең дә тип үпкәләйһең, вә билләһи һөйөүзәрәм хактыр* (“Көмөшәй менән Изрис”) [Там же, б. 284] / обижаешься, что не люблю (тебя), поистине любовь моя правдива; *ятты һөйһәң, утка янып, һуға төшөрһөң* (“Көмөшәй менән Изрис”) [Там же, б. 285] / (если) полюбишь другого (-ую), сгоришь в огне и канешь в воду; *йәнәм һөйгән йәрәм* (“Бәзекәй һылыу”) [Там же, б. 286] / возлюбленный душой (моей); *йән һөймәгән йүнһез генә малай* (“Бөзрә тал”) [Там же, б. 288] / нелюбимый бестолковый юноша и др.

В песне “Шәүрә килән” [Там же, б. 275-276] несколько раз употребляется лексема *гишык*: *гишкың гына мине, ай, үсертә* / любовь твоя опьяняет меня; *гишкы яһна, егет түзмәй, тизәр* / говорят, нестерпимо парню, который сгорает от любви; *гишык уттарында янып-көйөп* / гореть в пламени любви.

Концепт любви раскрывается через образы-понятия **йөрәк** ‘сердце’, **йән** ‘душа’. Сердечные муки передаются различными образными оборотами: *төтөнһөз үк яна йәш йөрәк* [Там же, б. 272] / без дыма горит молодое сердце; *йөрәк майгыһаһы һыза икән* [Там же, б. 275] / сердце болит; *һағыш төштө минең*

йөрәккә [Там же, б. 284] / тоска закралась в мое сердце; *янган йөрәк* [Там же, б. 285] / горящее сердце; *үз һөйгәнән эзләп тупкән йөрәк* [Там же, б. 294] / сердце колотится в поисках любви; *йөрәгенә сызай алмай* [Там же, б. 284] / не выносит сердечных терзаний; *йөрәгем һағышы* [Там же, б. 286] / сердечная тоска и т.д. Слово *йән* в песнях передает не само понятие души, а представляет процесс персонификации – олицетворяет образ любимого человека: ‘сердце моё, дорогая, душенька, дорогой’. Примеры: *шала ла, йәнем, ник илайһың* [Там же, б. 279] / не плачь, душа моя, почему же ты плачешь; *йәнкәй китте, ай, һунарға* [Там же, б. 289] / душа моя пошла на охоту; *һис кайғым юк, йәнем, дошманым күп* [Там же, б. 277] / нет у меня нисколько горя, душа моя, врагов много; *күңелемдән, йәнем, һис сыкмайһың* [Там же, б. 281] / из сердца моего не выходишь ты, душа моя, и т.п.

Страдание девушек заключается не в безответной любви, а во вмешательстве в существующую любовь. Действующие патриархальные устои диктовали свои условия жизни: девушкам приходилось отдавать замуж за состоятельных мужчин, часто за мужчин в возрасте, причем не первыми женами. Таким образом, семья обеспечивала себя и невесту средствами к существованию. Башкирские девушки из бедных семей становились как бы «дорогим товаром», и не зря невесты, выданные насильно замуж, сравнивают себя с проданным или купленным скотом “**мал**”: *Мин бисара, тезгенәнән тотоп, һатылып кына килгән мал кеүек* (“Таштуғай”) [Там же, б. 272] / Я, бедная, словно скотина, которую ведут продовать; *Ғәзиз генә башым киттеп барзы, заклад һалып йыйған мал кеүек* (“Филмияза”) [Там же, б. 275] / бедная моя головушка погибла, словно скотина, отданная под заклад; *Һандугастай һайрар кыз баланы, язьмыш һата икән малдарға* (“Мәзинәкәй”) [Там же, б. 278] / в ту пору, когда девушке петь бы, как соловей, судьба продала за скотину; *Зәлифәкәй, бахыр, ни хәл итһен, үз аһаһы һаткас малдарға* (“Зәлифәкәй”) [Там же, б. 282] / что же поделает Залифа, бедняжка, если родной брат продал ее, как скотину. «Мал» как показатель статуса в песнях передает экономическое значение достатка, следовательно, его отсутствие становится показателем нужды и бедности. Концепт «мал» в лирических песнях выступает в пяти значениях: 1) скот; 2) богатство, жизненный достаток; 3) калым; 4) плата, выкуп; 5) отсутствие «мал» – в значении «нужда», «бедность» [8, с. 22].

В песнях несчастные женщины ассоциируются также с птенцом кукушки (*кәкүк коштоң балаһы*), с оленком (*болан балаһы*), с сорванным цветком (*өзөлгән сәскә*) и др.

Несчастливая любовь тесно связана с концептом **горе** (“кайғы”), так как потеря любви ассоциируется с потерей головы, с прекращением жизни. Концепт **кайғы** (горе) раскрывается такими образными выражениями, как *янган йөрәк* [3, б. 285] / горящее сердце, *канлы йәштәр* [Там же, б. 273] / кровавые слезы, *күңел тулы кайғы* [Там же] / душа полна горя, *Ғәзиз генә башым киттеп барзы* [Там же, б. 275] / дорогая головушка моя сгинула, *һөйгәнәнә бара алмай хур була* [Там же, б. 270] / несчастной становится (девушка), не выходя замуж за любимого, *бәйле коштай була кыз бала* [Там же, б. 289] / словно привязанная птица становится девушка, *йөзкәйҙәрәм һарғайзы* [Там же, б. 273] / пожелтело личико (мое), *ят куйын* [Там же, б. 274] / чужие объятия, *эскенәйем тулы ут яна* [Там же, б. 275] / все внутри горит (пылает) огнем. В песнях слово *кайғы* употребляется в словосочетаниях: *бәтмәс кайғы* [Там же, б. 276] / нескончаемое горе, *кыз кайғыһы* [Там же, б. 279] / девичье горе, *күңелем тулы кайғы* [Там же, б. 273] / душа полна горести; как парное слово *кайғы-хәсрәт* [Там же, б. 287], где обе части имеют самостоятельное значение ‘горе, скорьб, печаль’. Второй компонент лексемы *кайғы-хәсрәт* выступает также в значении ‘трудности, тяготы’, тем самым эмоционально усиливая понятие горя в башкирском сознании, связанное с тяготами жизни. Часто жизненные трудности были связаны с материальным вопросом, социальным неравенством.

Понятие ‘горе’ у женщин-башкирок связано не только с любовными переживаниями, но и с покиданием родного дома. (Не случайно в свадебном фольклоре сформировался жанр *сеңләү* ‘плач-причитание’). Концепт **родина** (“тыуган ер”) репрезентируется в песнях лексемами *ил* ‘страна’, *тыуган ер* ‘родина, родная земля’, *өй* ‘дом’, *йорт-ил* ‘дом-родина’, *ауыл* ‘деревня, село’. Причем родина ассоциируется не только с отчим домом или родной деревней, образом дома выступает гора Урал: *кире Уралкайыма кайтайым* (“Таштуғай”) [Там же, б. 272] / обратно вернусь на свой Урал; *Урал тупрактары кире тарта Таштуғайзы ташлап кайтырға* (“Таштуғай”, вариант) [2, б. 213] / земля Урала тянет обратно, чтобы покинула я Таштуғай; *Алыстарзан балкып, ай, күренгән Урал микән, әллә көн микән?* (“Филмияза”) [3, б. 274] / издалека сияет, Урал ли это или солнце? Тоска по Родине так велика, что девушка готова ползком пойти домой: *Илкәймә лә шул кайтыр инем, аяктарым талһа имгәкләп* (“Филмияза”) [Там же] / на родину свою я бы вернулась, если ноги устанут, то ползком. Антонимами понятия родины являются: *сит ил* [Там же, б. 274, 281] / (чужая страна), *коштар осоп етмәс ер* [2, б. 213] / (недосягаемая птицами земля), *үз илемдәй түгел илкәйҙәре, ком бураны уйнай, елле икән* [3, б. 274] / (страна их не похожа на родную, песчаные бури играют, ветрено).

Таким образом, в народном песенном фольклоре отражается ментальность башкирских женщин – терпеливость, кротость, почитание семьи и семейных устоев, отречение от любви ради блага родителей и родных. Доля башкирской женщины была нелегкой: ее роль и место в обществе диктовались историческими, конфессиональными, социально-экономическими обстоятельствами.

Исследование песенного фольклора показало национально-культурную специфику концепта «несчастливая женская доля», содержание которого тесно связано с понятиями «несчастливая любовь», «неравный брак», «покидание родного дома» и др. Мы пришли к выводу, что концепт **бахетһез катын-кыз язьмышы** («несчастливая женская судьба») в башкирской языковой картине мира является одним из сложных ментальных образований с комплексом эмоциональных и духовных составляющих.

Список литературы

1. Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеге: Ике томда / Россия Фәндәр Академияһы. Башкортостан ғилми үзәге тар., тел һәм әз. институты. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 861 с.; Т. 2. 814 с.
2. Башкорт халк ижады: 1-се том. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1954. Т. 1. 303 б.
3. Башкорт халык ижады. Йырҙар. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1974. Беренсе китап. 388 б.
4. Мотыгуллина З. А. Концепт «судьба» в татарском и английском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2007. 24 с.
5. Сагитова А. Г. Концепт «язмыш» («судьба») в башкирской языковой картине мира: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2012. 28 с.
6. Самситова Л. Х. Культурные концепты как отражение башкирской языковой картины мира: автореф. дисс. ... д. филол. н. Уфа, 2015. 54 с.
7. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман. М.: Эксмо, 2011. 962 с.
8. Хакимьянова А. М. Башкирские народные лирические песни: поэтическое своеобразие жанра: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2014. 26 с.

THE CONCEPT “БӘХЕТҺЕЗ КАТЫН-КЫЗ ЯЗМЫШЫ” (“UNLUCKY WOMEN’S DESTINY”) IN THE SONG FOLKLORE OF THE BASHKIR PEOPLE

Ishkil'dina Linara Kamilovna, Ph. D. in Philology
Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
 lina86_08@mail.ru

The article discovers the meaning of one of the key concepts of the cultural space of the Bashkir linguistic worldview – concept “БӘХЕТҺЕЗ КАТЫН-КЫЗ ЯЗМЫШЫ” (“unlucky women’s destiny”) by the example of the folk songs. The concept “unlucky women’s destiny” is examined in close relation with the concepts “love”, “soul”, “homeland”. The analysis identified nationally specific peculiarities of this concept in the Bashkir ethnos’ worldview.

Key words and phrases: concept; Bashkir folk songs; women’s destiny; love; soul; homeland.

УДК 81’253

В статье проводится сравнительный анализ факторов, обуславливающих применение трансформаций в синхронном и последовательном переводе, и рассматривается реализация трансформации коррекционного добавления в последовательном переводе с русского на английский язык. Основное внимание уделяется определению основных подгрупп данной трансформации и причинам, обуславливающим ее применение.

Ключевые слова и фразы: последовательный перевод; синхронный перевод; переводческие трансформации; трансформация добавления; коррекционное добавление.

Каразия Анастасия Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет
 Anast-K-2009@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОРРЕКЦИОННЫХ ДОБАВЛЕНИЯХ В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Несмотря на увеличение интереса к исследованию вопросов теории и практики устного перевода, изучению механизмов последовательного перевода уделяется гораздо меньше внимания, чем механизмам, обеспечивающим реализацию синхронного перевода. Однако нам представляется, что рассмотрение стратегий и приемов, лежащих в основе осуществления последовательного перевода, представляет не меньший интерес, так как способствует расширению теоретической базы данного вида устного перевода и разработке на ее основе практических рекомендаций для подготовки специалистов для данного вида устной переводческой деятельности.

Последовательный перевод – «вид устного перевода, при котором речь переводится последовательно, т.е. переводчик воспринимает отрезок речи и через некоторое (максимально краткое) время воспроизводит его в переводе. Он ведется отрывочно, причем переводчик словно сменяет оратора, выступая за него и оказываясь в центре внимания» [4, с. 20].

Являясь разновидностями устной переводческой деятельности, последовательный и синхронный перевод обладают рядом общих характеристик, тем не менее различия между ними довольно значительны. Для последовательного перевода характерна гораздо большая нагрузка на память, чем при синхронном переводе, так как паузы для перевода не регламентированы и осуществляются только на усмотрение говорящего, что может приводить к необходимости перевода достаточно длительных отрывков исходного сообщения. Однако возможность прослушать высказывание ИЯ (исходного языка) до конца позволяет провести более глубокий анализ, чем при синхронном переводе, и соответственно, применить соответствующие трансформации для осуществления перевода.